

На старой фотографии улыбалась изящная, хрупкая девушка. В её чертах сквозило странное сочетание нежности и едва уловимой, вечной грусти.

Её звали Ху Юньи. Единственная женщина, которую Ли Шэнъань любил до безумия, с первого взгляда. Судьба отмерила им лишь краткий миг безмятежного счастья. Теперь её душа упокоилась в ином мире, оставив ему на память только эти снимки, прощальное письмо да парную деревянную фигурку на подоконнике — их совместную работу. Всё казалось вчерашним сном. Он помнил каждую мелочь, каждый общий вздох, но больше не мог коснуться её лица, не мог услышать её голос. Их «завтра» оборвалось навсегда.

— Юньи, родная, ты знаешь? — прошептал Шэнъань, бережно ведя кончиками пальцев по ровному глянцу снимка. — Дела наконец-то налаживаются. Завтра мы запускаем в производство первую крупную партию. Все так воодушевлены, так рады... А ты? Ты бы радовалась за меня? Знаю, что да. Ведь ты всегда верила в меня, помнишь? Говорила, что я стану успешным, добрым делом займусь, добьюсь всего. Но ты ведь обещала быть рядом. Зачем же ушла? Почему оставила меня одного? Неужели не могла разделить свою боль со мной? Или... ты мне не доверяла? Неужели моя любовь не смогла тебя спасти? Наверное, так и есть. Я ведь толком ничего о тебе не знал — только любил без памяти. Ты запрещала спрашивать. Твердила, что правда принесёт лишь страдание, и я послушно молчал. Но в итоге ты оставила меня наедине с величайшей мукой. Я так скучаю. Каждую секунду, каждый день. Особенно по ночам, когда мир затихает, а память начинает терзать меня. Я перебираю наши дни по крупичкам: твою улыбку, твою вечную грусть, твой смех и твои слёзы. Грусти в тебе всегда было больше, чем радости. Хотя ты уверяла, будто со мной забыла обо всех печалях. Зачем же тогда ушла? Ничего не оставила, кроме этого письма, денег и напутствия жить дальше, построить своё дело. Я послушался. Я открыл компанию на твои сбережения, но почему мне так пусто? Без тебя эта жизнь превратилась в каторгу, слышишь? Я до сих пор не верю, что тебя нет. Может, это злая шутка? Вдруг ты просто спряталась где-то далеко и наблюдаешь за мной? А в один прекрасный день внезапно появишься на пороге и скажешь: «Шэнъань, я вернулась». Ведь так и будет? Обязательно будет. Я буду верить и работать из последних сил. Только ради того, чтобы дожидаться тебя.

Шэнъань бережно достал из альбома пожелтевший листок, который хранил все эти месяцы. Медленно развернул его и принялся перечитывать её прощальные строки — уже в тысячный раз.

«Шэнъань, когда ты будешь читать это письмо, умоляю, не плачь. Тебе нельзя грустить. Я сама слишком долго тонула в печали и знаю, насколько это невыносимо. Помнишь нашу первую встречу? Ты вытащил меня из петли, когда я уже прощалась с жизнью. Я думала, тот день станет моим последним, но ты спас меня и подарил столько прекрасных, незабываемых дней. И всё же теперь я ухожу. Насовсем. Мне страшно, Шэнъань. Страшно, что если я останусь здесь ещё хоть на сутки, то уже не смогу заставить себя уйти — настолько мне станет дорог этот мир, настолько дорог станешь ты. Шэнъань, я люблю тебя. Прости, что не нашла в себе мужества сказать это вслух. Это моё самое большое раскаяние. Когда ты признался мне в чувствах, я просила тебя остановиться, забыть обо мне. Но сама не устояла. Я полюбила твою улыбку, твою доброту, твою неиссякаемую энергию, твой юмор, твою целеустремлённость — всё, из чего ты состоишь. Время, проведённое с тобой, стало лучшим в моей жизни. Я никогда

не верила, что создана для любви, но ты подарил мне самую прекрасную сказку на свете. Я так сильно люблю тебя»

«Но мне пора. Как бы сладок ни был этот сон, из него приходится просыпаться. Я слишком хорошо понимаю: этому миру я чужая. Не спрашивай почему, умоляю тебя, не ищи ответов. Иначе у меня просто не хватит сил дописать это письмо. Пусть то лучшее, что было между нами, навеки останется чистым воспоминанием. Я буду молиться за тебя с небес. Молиться, чтобы твоё дело процветало, чтобы ты обрёл семью, вырастил детей и дожил до глубокой старости. Человек бессилен перед роком, и судьба сыграла со мной злую, но невероятно красивую шутку. Каждый день рядом с тобой я разрывалась между величайшим счастьем и невыносимой болью. Теперь всё кончено. Я наконец-то обреду покой и избавлюсь от этих мук. Прости мою эгоистичность. Обязательно прости»

«Шэнъань, ты всегда был сильным, жизнерадостным и умным. Не губи себя из-за моей утраты, не опускай руки. Собери волю в кулак и иди вперёд. Живи — за себя и за меня. Прошу тебя, пообещай мне, что будешь жить. Это моя последняя воля, моя единственная мольба, подкреплённая всей моей любовью к тебе»

«Я оставила тебе деньги. Пусть они станут фундаментом для твоей мечты. Не смей чувствовать себя должником: твои цели стали моими. Если ты преуспеешь, значит, моя короткая жизнь была прожита не зря. Помоги мне исполнить то, что я не успела»

«Как бы ни разрывалось моё сердце от этой разлуки, нам пора прощаться. Береги себя, Шэнъань»

«Навеки твоя,

Юньи»

Слёзы вновь упали на изъеденную солью, местами размытую бумагу. Шэнъань поспешно сложил листок по старым сгибам и убрал обратно в конверт, боясь окончательно погубить её почерк.

Он до сих пор не понимал, какая безжалостная сила толкнула Юньи на этот шаг. Тогда, прочитав письмо, он метался по городу как безумный, обыскивая каждый закоулок, расспрашивая всех подряд, но тщетно. На следующее утро в газетах мелькнула короткая заметка: на побережье обнаружено тело молодой женщины. Он помчался туда. Оpozнание подтвердило худшие опасения — это была она. Но забрать её он не успел: родственники Юньи, о существовании которых он даже не подозревал, мгновенно увезли тело в неизвестном направлении. С того дня жизнь Ли Шэнъаня покатилась под откос, погрузившись в беспросветный мрак.

В последующие дни маленькое предприятие Шэнъяня закружилось в бешеном вихре работы. Сроки поджимали, первая партия требовала колоссальных усилий, и на сборочную линию вышли абсолютно все, включая руководство. Люди дневали и ночевали в цеху, позабыв про сон и отдых.

Прошло пять дней, прежде чем на горизонте снова возник Лу Чжаньбай. Всё это время молодой наследник обрывал телефон Шэнъяня, но тот упорно сбрасывал звонки. В конце концов, потеряв терпение, Чжаньбай явился лично.

Когда Чжаньбай переступил порог фабрики, работа там кипела вовсю.

На ста с лишним квадратных метрах тесного помещения суетились несколько десятков рабочих. Шэнъянь в простой трикотажной футболке возился со сломанным станком. Он был сосредоточен, лоб блестел от пота. Он не отличался богатырским телосложением, но в глазах Чжаньбая его жилистые руки и напряжённые плечи выглядели чертовски притягательно.

При одном взгляде на мужчину у Чжаньбая сладко заныло под ложечкой. Все попытки выкинуть Шэнъяня из головы, напускное равнодушие последних дней — всё пошло прахом. Оказалось, он скучал. Безумно скучал по этому правильному, красивому лицу, по гибкому телу, сводившему его с ума, по каждому презрительному взгляду и резкому жесту.

Чжаньбай ловил себя на мысли, что окончательно теряет рассудок. Никогда ещё в жизни он так не заикливался на ком-то одном. И всё же ноги сами привели его сюда. Противостоять этому влечению было бесполезно: одной ночи оказалось мало, чтобы насытить вспыхнувший голод. Желание обладать Шэнъянем только крепло, разгораясь с новой, пугающей силой.

«Похоже, я пропал, — усмехнулся про себя Чжаньбай. — Этот упрямец меня переиграл»

— Начальник, там к вам пришли, — окликнул Шэнъяня один из рабочих, кивнув на выход.

Шэнъянь отложил ключи, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и обернулся. У дверей, прислонившись к косяку, стоял Лу Чжаньбай. Он привычно и нагло ухмыльнулся. Заметив взгляд Шэнъяня, он вальяжно взмахнул рукой.

В груди Шэнъяня всё так и ухнуло вниз. Он мгновенно помрачнел.

Сдерживая глухое раздражение, он поднялся, накинул висевшую на стуле чистую рубашку и направился к выходу.

Чжаньбай тактично отступил во двор, освобождая проход.

— Зачем явился? — холодно спросил Шэнъянь, едва переступив порог.

— Решил лично проверить, как продвигается работа, — с улыбкой отозвался Чжаньбай, окинув взглядом территорию. — Вижу, дела идут неплохо. Но эти трущобы... Не думал, что тебе приходится трудиться в такой дыре.

Он картинно вздохнул, изображая глубокое сочувствие.

— Какая трогательная забота, — сухо хмыкнул Шэнъань. — Тебе заняться нечем? Посмотрел? А теперь убирайся. У меня полно дел, некогда тратить время на пустую болтовню.

Он круто развернулся, намереваясь вернуться в цех.

— Погоди, — окликнул его Чжаньбай. — С работой мы закончили. Но мы ведь ещё не обсудили наши личные дела.

— Твои личные дела меня интересуют меньше всего, — бросил через плечо Шэнъань.

— А меня интересуешь ты. Я соскучился, вот и приехал, — Чжаньбай шагнул вперёд и бесцеремонно перехватил Шэнъаня за локоть, понизив голос до интимного шёпота.

Шэнъань резко вырвал руку и развернулся к нему лицом. Он вспыхнул от ярости.

— Ты когда-нибудь уймёшься?! — прошипел он сквозь зубы. — Я, кажется, ясно дал понять: не приближайся ко мне!

— Ого, — Чжаньбай отступил на пару шагов и шутливо поднял ладони вверх, не скрывая насмешки. — Какой грозный вид. Прямо дрожь берет. Хочешь, я прямо сейчас во весь голос объявлю твоим рабочим, как именно Ли Шэнъань выбил этот контракт? Расскажу, как ты стонал под господином Лу? Могу даже в красках расписать, какой ты ненасытный в постели.

— Подонок! — Шэнъань процедил это слово с такой ненавистью, что костяшки его сжатых кулаков побелели. Но спустя секунду он заставил себя сделать глубокий вдох и медленно разжал пальцы. Лишние свидетели ему были не нужны.

— Что, передумал драться? — ухмыльнулся Чжаньбай, вновь сокращая дистанцию.

— Ближе к делу. Чего ты хочешь? — глухо спросил Шэнъань.

— Сегодня в восемь вечера жду тебя на ужин в отеле «Небесная радость», — безапелляционно заявил Чжаньбай.

— Не выйдет. Вечером у меня смена, некогда, — отрезал Шэнъань.

— Брось, — Чжаньбай тихо рассмеялся, вальяжно похлопав его по плечу. — Ты здесь босс. Захочешь — найдёшь время. А не придёшь — пеняй на себя. И не бойся ты так, это просто ужин. Обещаю вести себя прилично.

Он подмигнул Шэнъаню с приторной, раздражающей двусмысленностью.

В этот момент дверь цеха приоткрылась, и на пороге показался Лю Хао. Заметив оживлённую беседу, он с любопытством направился к ним.

— Шэнъань, а это что за солидный гость? — поинтересовался он, переводя взгляд с одного на другого.

Шэнъань промолчал, набычившись.

— Ого, ничего себе! Порше! — Лю Хао внезапно заметил припаркованный у обочины роскошный спорткар. Он загорелся. — Это же новенький, да? Ну и зверь!

Он подошёл ближе, почти благоговейно коснулся глянцевого крыла и восхищённо посмотрел на Чжаньбая.

Тот снисходительно улыбнулся и, проигнорировав восторги рабочего, повернулся к Шэнъаню:

— Договорились. До вечера.

Не давая Шэнъаню возможности возразить, Чжаньбай скользнул за руль, завёл двигатель и, обдав двор мощным рокотом мотора, рванул с места.

Лю Хао долго смотрел вслед стремительно удаляющемуся спорткару.

— Шэнъань, кто этот парень? Раньше его здесь не видел. Сразу видно — при деньгах. И ведь молодой ещё, шельма... Да уж, кому всё, а кому шиш. Аж зависть берёт!

— Извращенец, — сквозь зубы бросил Шэнъань и, не задерживаясь ни секунды, ушёл обратно в душный цех.

— Чего? — Лю Хао озадаченно почесал затылок, переводя взгляд с пустой дороги на закрывшуюся дверь. — Это он про меня, что ли? Блин, ну и ладно! С каких это пор любить крутые тачки — извращение?